

ОТЧЕТ

о результатах мониторинга правоприменения

12 марта 2024 г.

По теме исследования «Деятельность по организации и проведению азартных игр (в части действия Гражданского кодекса Российской Федерации, федеральных законов «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», «О публично-правовой компании “Единый регулятор азартных игр”» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», «О лотереях», нормативных правовых актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации).

Эксперты:

*А.Д. Рудоквас, д.ю.н., профессор СПбГУ (эксперт, руководитель группы);
В.В. Архипов, д.ю.н., профессор СПбГУ (эксперт).*

Помощь в поиске, отборе и первичном анализе материалов правоприменительной практики оказали обучающиеся магистратуры СПбГУ по программе «Информационное право и защита данных»: К.И. Башаратьян, Г.О. Васинюк, М.И. Дружинин, А.Ж. Пагов, Д.С. Радостев и Т.А. Зимина.

Краткие выводы (подробное описание см. в Разделе II далее):

1. Судебная практика подтверждает гипотезу о том, что понятие азартной игры должно толковаться таким образом, что необходимо одновременное наличие ставки и выигрыша.

2. В судебной практике намечен подход, конкретизирующий общее понятие выигрыша для целей применения законодательства об азартных играх с точки зрения осознанности выбора результатов.

3. В судебной практике намечен подход, согласно которому в качестве выигрыша могут рассматриваться не только «обычные» виды имущества, но и «виртуальное имущество» из неазартных компьютерных игр.

4. В судебной практике намечен подход, конкретизирующий понятие азарта и риска для целей применения законодательства об азартных играх с точки зрения возможности случайно выиграть или проиграть имущество.

По итогам мониторинга в пределах поставленной исследовательской гипотезы и соответствующей ей задачи какие-либо проблемы не выявлены,

однако выявлены обоснованные подходы к толкованию понятия «азартная игра», которые рекомендуется учитывать в последующей правоприменительной практике.

I. Методика сбора правоприменительной практики:

Основная исследовательская гипотеза, которая предопределила постановку задачи и предмет настоящего исследования, определяется следующими предпосылками:

1. Современная информационная среда может быть охарактеризована посредством концепций «цифрового поворота» и «игрового поворота», которые определяют особенности современного медиапространства.¹ Классические способы коммуникации заменяются на цифровые,² а для социокультурного измерения характерен «игровой поворот» – появление новых игровых практик, их популяризация, внедрение игровых методов в «серьезные» области общественной жизни.

2. Данные обстоятельства усложняют особенности толкования правовых норм, ориентированных на различные виды игр, в том числе азартных. В играх, к которым изначально законодательство об азартных играх не применялось, могут появляться игровые механики, содержащие признаки азартных игр. В свою очередь, классические азартные игры, выступающие безусловным предметом правовых запретов и ограничений, могут «маскироваться» под игры и иные практики, не подлежащие таковым (например, под развлекательные компьютерные игры, стимулирующие мероприятия и т.п.).

3. Действующее законодательство Российской Федерации с правовой квалификацией какой-либо практики как «азартной игры» связывает серьезные правовые последствия. Помимо собственно регуляторных обязательств, предусмотренных на уровне Федерального закона от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – **«Закон об азартных играх»**), речь идет о том, что распространение информации с нарушением запрета деятельности по организации и проведению азартных игр и лотерей с использованием сети «Интернет» и иных средств связи относится к

¹ См.: Архипов В.В. Действие правовых норм в цифровом медиапространстве и семантические пределы права // Правоведение. 2019. Т. 63. № 1. С. 13–14.

² Т.е. и в первую очередь речь идет о том, что информация и коммуникация в таких медиа представлена в виде моделей, выраженных математически, но обработанных таким образом, который допускает их восприятие человеком. С юридической точки зрения это, в первую очередь, означает, что сами носители информации в цифровой среде могут рассматриваться с точки зрения своих возможных правовых квалификаций, следующих из информационного права и права интеллектуальной собственности.

информации, запрещенной к распространению в сети Интернет, а также к предмету мониторинга владельцем социальной сети согласно ст. ст. 15.1 и 10.6 соответственно Федерального закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – **«Закон об информации»**), об уголовной ответственности за незаконные организацию и проведение азартных игр по ст. 171.2 УК РФ, о специальных нормах Главы 58 ГК РФ «Проведение игр и пари» и др.

Поскольку законодательные определения, с точки зрения юридической догматики, определяют часть гипотезы как элемента логической структуры нормы права, ключевые вопросы и проблемы правоприменения связаны (или могут быть связаны, так как речь идет об исследовательской гипотезе) с особенностями толкования общего определения азартной игры, которое содержится в п. 1 ст. 4 Закона об азартных играх. Азартная игра определяется как «основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором азартной игры». Следует подчеркнуть, что данное определение рассматривает в качестве «азартной игры» не какую-либо разновидность игр в собственном смысле этого слова, а определенный вид соглашения, что уже предопределяет особенности правовой квалификации азартных игр.

Особенную сложность с теоретической точки зрения при этом представляет собой критерий, согласно которому такое соглашение должно быть «основано на риске». Данное понятие напрямую не раскрывается в Законе об азартных играх. С точки зрения доктрины гражданского права, данное понятие должно соотноситься с понятием алеаторных сделок, однако однозначность такой интерпретации может быть, в теории, подвернута сомнению в силу возможных аргументов против отнесения Закона об азартных играх к актам гражданского законодательства. Также, хотя указанное определение прямо говорит о выигрыше, оно не содержит прямого указания на ставку как неотъемлемую составляющую азартной игры. Понимание азартной игры как сочетания ставки (имущества, которое можно случайно потерять) и выигрыша (имущества, которое можно случайно приобрести при условии наличия ставки) следует из системного толкования положений ст. 4 Закона об азартных играх, но не из самого определения. Понятие выигрыша как включающее не только денежные средства, но и «иное имущество» (п. 4 ст. 3 Закона об азартных играх), которое может включать в себя, согласно ст. 128 ГК РФ, и имущественные права, также представляется достаточно широким.

С учетом указанных обстоятельств в качестве основной исследовательской гипотезы предлагается интерпретация, согласно которой понятие азартной игры в смысле Закона об азартных играх и всех

сопутствующих актов,³ представляет собой понятие характеризующее не конкретную игру (например, шахматы или преферанс), а соглашение относительно исхода игры, существенными условиями которого являются наличие ставки и выигрыша в специальном значении указанного Закона. Определение такого уровня точности необходимо для того, чтобы обеспечить наличие формально-определенного критерия применения законодательных запретов и ограничений на осуществление азартных игр, чтобы, в том числе, исключить неоправданное правоприменение данных запретов и ограничений в случаях, когда это было бы ошибкой (например, к компьютерным играм, имеющим внешние визуальные признаки азартных игр, но не предполагающим наличия ставок и (или) выигрыша).

Настоящее мониторинговое исследование, в первую очередь, призвано подтвердить или опровергнуть предложенную гипотезу о понимании азартной игры как соглашения, предполагающего наличие ставки и выигрыша, а также выявить иные возможные сопутствующие проблемы. В свете рассматриваемой исследовательской гипотезы были проанализированы правоприменительные акты за последние 5 лет.

Хотя по итогам мониторинга не выявлены фундаментальные правовые проблемы, анализ практики показывает, во-первых, подтверждение указанной исследовательской гипотезы, а во-вторых отражает тот факт, что правоприменительная практика опирается на отдельные дополнительные критерии правовой квалификации различных игровых практик как азартных. Данные обстоятельства должны учитываться в последующей практике для обеспечения ее единообразия и, по опыту экспертов, будут крайне полезны для анализа рисков при разработке частными компаниями различных игровых механик, маркетинговых и прочих подобных мероприятий.

В целом значимость исследования определяется тем фактом, что в практику правовой квалификации азартных игр часто вносятся искажения, обусловленные тем обстоятельством, что в некоторых зарубежных юрисдикциях критерием азартной игры является не риск случайной утраты имущества, выступающего в качестве ставки, а то обстоятельство, что игра сама по себе основана на элементе случайности, а не на навыках, независимо от имущественной стороны отношений (при таком подходе, например, любая игра с элементом случайности или даже любая игровая практика такого рода, без ставки и выигрыша, может быть рассмотрена как азартная игра). Данный подход не характерен для Российской Федерации, в правовой системе которой азартная игра – это, как уже было отмечено, не игра как таковая, а соглашение

³ Включая Гражданский кодекс Российской Федерации, федеральных законов «О публично-правовой компании “Единый регулятор азартных игр”» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», «О лотереях», нормативных правовых актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

о выигрыше относительно определенного события, в качестве которого может подразумеваться отдельная конкретная игра.

II. Описание результатов мониторинга правоприменения

По итогам мониторинга правоприменения, основанного на описанной методике, сделаны следующие выводы и выявлены следующие проблемы, которые в большинстве случаев могут быть представлены на уровне соответствующих репрезентативных примеров правоприменительной практики.

1. Судебная практика подтверждает гипотезу о том, что понятие азартной игры должно толковаться таким образом, что необходимо одновременное наличие ставки и выигрыша.

Сочетание критериев наличия ставки и выигрыша применялось для правовой квалификации деятельности как азартной игры в том числе в следующих правоприменительных актах:

Решение Октябрьского районного суда города Белгорода по административному делу № 2а-833/2019 от 29.01.2019.

Решение Ленинского районного суда города Ростова-на-Дону по делу № 2-2469/2019 от 08 августа 2019 г.

Приговор Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан от 30.08.2019 г.

Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска № 1-758/2019 от 18 ноября 2019 г.

и мн. др.

Примечательны показания свидетеля из Приговора Ленинского районного суда г. Новосибирска № 1-758/2019 от 18 ноября 2019 г.: «Для него азартная игра – это когда можно сделать ставку, сыграть и получить выигрыш. Следовательно, игры, в которые он играл в данном игровом клубе, являются азартными».

Отдельного внимания заслуживает нашедший свое подтверждение в практике подход, согласно которому сами по себе события, в отношении которых заключаются соглашения о выигрыше (последние и интерпретируются как азартная игра), не должны рассматриваться как азартные игры. В *Постановлении Краснодарского краевого суда № 22-243/2019 22К-243/2019 22К-8178/2018 от 22 января 2019 г. по делу № 22-243/2019* было в связи с этим отмечено, что демонстрация на экранах карточной игры, в том числе игровых принадлежностей, карт и крупье не свидетельствуют о незаконной деятельности букмекерской конторы. При этом «зрелищно-развлекательные события, на исход которых букмекерская контора заключает пари в пункте приема ставок, не являются азартными

играми или лотереями. В процессе события отсутствуют участники и правила участия в них. События не предполагают внесение платы (ставки), а также не предполагают возможности получения выигрыша или иной выгоды. Участники азартных игр в букмекерской конторе не заключают соглашение на участие в самом событии, они заключают соглашение на результаты события. По аналогии со спортивными событиями, пари может быть заключено не только на исход конкретного матча (соревнования, этапа соревнования), пари также могут быть заключены на определенный элемент спортивного соревнования, например: результативность отдельного участника, количество красных карточек, количество фолов, пройдет ли команда отборочный тур и другие элементы».

2. В судебной практике намечен подход, конкретизирующий общее понятие выигрыша для целей применения законодательства об азартных играх с точки зрения осознанности выбора результатов.

Согласно п. 4 ст. 4 Закона об азартных играх, выигрыш представляет собой «денежные средства или иное имущество, в том числе имущественные права, подлежащие выплате или передаче участнику азартной игры при наступлении результата азартной игры, предусмотренного правилами, установленными организатором азартной игры».

Данное определение является достаточно широким и потенциально может включать в себя явления, которые не должны относиться к азартным играм в силу действующей правовой политики государства. В то же время, далеко не во всех соответствующих актах содержатся необходимые оговорки. Примером акта, где такие оговорки содержатся, является ГК РФ. В п. 2 ст. 1062 ГК РФ указано, что «на требования, связанные с участием в сделках, предусматривающих обязанность стороны или сторон сделки уплачивать денежные суммы в зависимости от изменения цен на товары, ценные бумаги, курса соответствующей валюты, величины процентных ставок, уровня инфляции или от значений, рассчитываемых на основании совокупности указанных показателей, либо от наступления иного обстоятельства, которое предусмотрено законом и относительно которого неизвестно, наступит оно или не наступит, правила настоящей главы не распространяются. Указанные требования подлежат судебной защите, если хотя бы одной из сторон сделки является юридическое лицо, получившее лицензию на осуществление банковских операций или лицензию на осуществление профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, либо хотя бы одной из сторон сделки, заключенной на бирже, является юридическое лицо, получившее лицензию, на основании которой возможно заключение сделок на бирже, а также в иных случаях, предусмотренных законом». При этом данные случаи также не являются единственными возможными, определяющими исключения из понятия азартных игр.

Примером судебного акта, в котором сформулированы необходимые (но не всегда достаточные) уточнения является *Приговор Октябрьского районного суда города Белгорода по делу № 1–543/2018 от 23 января 2019 г.* Согласно материалам дела, с целью конспирации и сокрытия преступной деятельности по незаконной организации и проведению азартных игр под видом разрешенной законом деятельности на рынке ценных бумаг, форвардных контрактов и опционных договоров, в интерфейсе игровой программы, помимо изображения виртуального аналога игрового автомата, были предусмотрены визуальные составляющие, якобы относящиеся к рынку ценных бумаг (графики, наименования валют, акций), призванные скрыть преступную деятельность под видом обращения производных финансовых инструментов. Суд отметил, что таблица выигрышей, заложенная в программу, являлась прямым эквивалентом получения выигрыша или проигрыша в азартной игре, так как пользователь (игрок) **не совершал осознанного выбора результата и (или) диапазона результатов, которых ему хотелось бы достичь, основываясь на осознанном риске.** Вместо этого пользователь (игрок) фактически получал результат, зависящий от случайного цифрового значения разницы между курсами (котировками), то есть происходило **действие, основанное на риске, сопровождаемое ставкой,** результат которой определялся по заданному заранее алгоритму на основе случайного цифрового значения.

Случайность выигрыша как существенный его признак подтверждается также, например, в позиции, выраженной в *Постановлении Верховного Суда Удмуртской Республики по делу № 4а – 553 от 18 октября 2019 г.* («...игровым автоматом признается игровое оборудование (механическое, электрическое, электронное или иное техническое оборудование), используемое для проведения азартных игр с материальным выигрышем, который **определяется случайным образом** устройством, находящимся внутри корпуса такого оборудования, без участия организатора азартных игр или его работников»).

3. В судебной практике намечен подход, согласно которому в качестве выигрыша могут рассматриваться не только «обычные» виды имущества, но и «виртуальное имущество» из неазартных компьютерных игр.

Крайне интересный пример практики представлен *Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 26 апреля 2018 г. по делу № А40-197625/2017.* Процесс проведения азартных игр в рассматриваемом случае осуществлялся следующим образом: пользователь пополняет баланс (игровой счет) посредством всевозможных платежных систем, затем осуществлялся розыгрыш с использованием генератора случайных чисел. **Выигрыш выплачивался путем начисления на личный счет «скинов» и**

игровых монет, которые можно конвертировать в денежные средства. Выигрыш в виде «скинов» автоматически поступал в личный кабинет игровой платформы Steam.

Что важно: сама по себе платформа Steam как и, по общему правилу, размещаемые на ней игры, не подлежат правовой квалификации в качестве азартных. Это платформа дистрибуции «обычных» компьютерных игр и сопутствующего игрового контента. В правовой доктрине по-прежнему не определен режим внутриигрового «виртуального имущества» и «виртуального имущества», связанного с платформами вроде Steam.⁴ В то же время, действительно, в том или ином смысле (например, в смысле неисключительной лицензии) такого рода виртуальные предметы могут быть соотнесены с понятием имущественных прав в широком смысле этого слова, что и было сделано в данном случае для целей применения определений из Закона об азартных играх. Вместе с тем, представляется, что данный подход не может толковаться расширительно и может применяться лишь при условии имеющих реальное денежное выражение ставок, а также «конвертируемого» в реальные деньги выигрыша.

4. В судебной практике намечен подход, конкретизирующий понятие азарта и риска для целей применения законодательства об азартных играх с точки зрения возможности случайно выиграть или проиграть имущество.

Сходным образом с рассмотренным ранее понятием выигрыша в судебной практике рассматривается и понятие азарта.

Так, например, в *Приговоре Пролетарского районного суда города Ростова-на-Дону по делу 16 мая 2019 года* отмечена следующая позиция: результатом проводимой посетителем игры, являлось случайное совпадение (несовпадение) определенных символов и картинок на экране монитора компьютера с риском уменьшения зачисленных на счет электронных денежных средств, **в чем и заключался азарт игры**. В случае проигрыша, внесенная посетителем игорного заведения денежная сумма ему не возвращалась, **в чем и заключался риск**, на котором основаны азартные игры. Т.е. под азартом понимается наличие риска, который, в свою очередь, выражается в вероятности произвольной утраты денег.

В *Приговоре Дзержинского районного суда г. Ярославля по делу № 1-82/2019 от 2019 г.* отражена позиция, согласно которой **«риск игры при этом заключался в том, что участник азартной игры мог как выиграть денежные средства, так и проиграть их**. В случае проигрыша денежные средства участника азартной игры переходили в собственность организатора

⁴ См. напр.: Архипов В.В. Виртуальная собственность «много лет спустя»: есть ли будущее у благородной мечты цифровых юристов? // Закон. 2023. № 9. С. 15–35.

незаконной игровой деятельности. Участник азартной игры мог по своему усмотрению устанавливать ставки на игру, регулируя тем самым размер возможного выигрыша».

В Решении *Центрального районного суда г. Хабаровска по делу № 2А-4864/2019 от 10 июля 2019 г.* отмечается: «Для участия в игре с целью возможного выигрыша ее участник должен внести деньги, **что в свою очередь может привести к риску утраты внесенной денежной суммы и является признаком азартной игры**».

В Постановлении Фурмановского городского суда Ивановской области № 5-2/2020 от 21 января 2020 г. по делу № 5-2/2020 была дана интерпретация фактора случайности как применимого к соглашению о выигрыше: «При этом исход игры не зависел от навыков и умений самого свидетеля, а основывался на комбинациях, демонстрируемых программным обеспечением символов, приводящих, соответственно, к выигрышу либо к проигрышу».

В Приговоре Центрального районного суда города Воронежа № 1-233/2017 1-8/2018 от 16 октября 2018 г. по делу № 1-233/2017 было процитировано заключение специалиста о понятии «азарт»: «Понятие “азарт” с точки зрения психологии – это очень сильное страстное переживание, снижающее критичность мышления и захватывающее полностью сознание человека, влекущее за собой ограничения возможности сознания и снижение способности в полной мере осознавать последствия собственных поступков. Таким образом, последствия такого состояния близко к состоянию физиологического аффекта. Согласно имеющимся в материалах уголовного дела данным, игры, проведение которых организовали и проводили подсудимые, можно отнести к азартным по следующим основаниям: данные игры построены по принципу моделей, вызывающих азартное состояние, а также состояние игровой зависимости. То есть, если “азарт” – это состояние человека, то “азартная игра” – это то, что вызывает такое состояние, то есть мотив в виде надежды на удачу и выигрыш играть в азартные игры. У данных игр имеются все элементы, которые вызывают состояние азарта, в частности возможности **выигрыша определенной суммы денег**, элементы удачи, поощряющей дальнейшее желание играть и выигрывать (игровая зависимость). Подобные игры способны вызывать зависимость в чем-то, напоминающую алкогольную или даже наркотическую. При азартной игре в коре головного мозга формируется доминанта или очаг возбуждения, которые побуждают вновь и вновь прибегать к ситуации азартной игры». При этом следует, однако, учитывать, что, с точки зрения российского законодательства, одного лишь психологического азарта недостаточно для квалификации отношений как азартной игры – все же необходимо наличие ставки и выигрыша. В этом смысле признак азарта характеризует юридически значимый признак риска. Косвенно такой подход подтверждается также встречающейся позицией о том, что «азартная игра» в рассматриваемом смысле является «правовым понятием» (см. напр. *Приговор Тбилисского*

районного суда Краснодарского края № 1-96/2018 от 26 октября 2018 г. по делу № 1-96/2018).

Общее предложение: учесть данные подходы в дальнейшей правоприменительной практике.

Список проанализированных актов

Правоприменительные акты⁵

1. Апелляционное определение Томского областного суда от 24 декабря 2021 г. по делу № 33а-4260.2021.
2. Апелляционное постановление Воронежского областного суда № 22-30492019 22-572020 от 13 января 2020 г. по делу № 1-К182019.
3. Апелляционное Постановление Суда апелляционной инстанции Новосибирского областного суда № 22-1030/2020 от 17 марта 2020 г. по делу № 1-48/2019.
4. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11 сентября 2023 г. № 88-17760/2023.
5. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16 сентября 2020 г. № 88-14146/2020.
6. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17 августа 2020 г. № 88-12121/2020.
7. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 5 августа 2020 г. по делу № 88-13065/2020.
8. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда по делу № А24-4720_2017 от 27 июня 2019 г.
9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда по делу № А40-197625_2017 от 26 апреля 2018 г..
10. Постановление Березовского городского суда Свердловской области № 5-66/2019 от 15 августа 2019 г.
11. Постановление Верховного Суда Удмуртской Республики по делу № 4а – 553 от 18 октября 2019 г.
12. Постановление Вологодского городского суда Вологодской области от 28 июня 2019 г. по делу № 1 757/2019.
13. Постановление Краснодарского краевого суда № 22-2432019 22К-2432019 22К-81782018 от 22 января 2019 г. по делу № 22-2432019.

⁵ Правоприменительные акты приведены по итогам процедур поиска с использованием различных комбинаций критериев и способов в пределах исследовательской гипотезы: от ключевых слов с учетом методологических предпосылок до изучения актов, привязанных к предположительно релевантным структурным единицам правовых актов.

14. Постановление Курганского городского суда Курганской области № 5-7322019 от 25 декабря 2019 г. по делу № 5-7322019.
15. Постановление Кызылского городского суда Республики Тыва от 7 ноября 2019 по делу №1-8742019.
16. Постановление Октябрьского районного суда г. Архангельска № 1-418/2019 от 13 ноября 2019 г.
17. Постановление Советского районного суда г. Красноярска от 25 мая 2020 по делу № 1-499/2020.
18. Постановление Сухоложского городского суда Свердловской области № 1-14/2019 от 7 февраля 2019 г.
19. Постановление Фурмановского городского суда Ивановской области № 5-22020 от 21 января 2020 г. по делу № 5-22020.
20. Приговор Дзержинский районный суд г. Ярославля по делу № 1-82/2019 от 2019 г.
21. Приговор Елизовского районного суда Камчатского края по делу № 1-20_2020 от 16 января 2020 г.
22. Приговор Железногорского городского суда от 08 июля 2020 г. по делу № 1-79.2020.
23. Приговор Ленинского районного суда г. Курска от 29 марта 2019 г. по делу № 1-8.24.2019.
24. Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска № 1-758/2019 от 18 ноября 2019 г.
25. Приговор Ленинского районного суда г. Саранска республики Мордовия по делу № 1-130_2020 от 28 мая 2020 г.
26. Приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска № 1-295/2019 от 9 декабря 2019 г.
27. Приговор Октябрьского районного суда г. Омска № 1-12/2020 от 13 февраля 2020 г.
28. Приговор Октябрьского районного суда города Белгорода по делу № 1-543/2018 от 23 января 2019 г.
29. Приговор Первомайского районного суда города Омска № 1-26/2020 1-566/2019 от 28 февраля 2020 г. по делу № 1-26/2020.
30. Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края по делу № 1-62_2020 от 06 февраля 2020 г.
31. Приговор Пролетарского районного суда города Ростова-на-Дону № 1-254/2019 от 16 мая 2019 г. по делу № 1-254/2019.
32. Приговор Пролетарского районного суда города Тулы № 1-250/2018 1-5/2019 от 7 мая 2019 г. по делу № 1-250/2018.
33. Приговор Усольского городского суда № 1-369/2020 от 26 мая 2020 г. по делу № 1-369/2020.
34. Приговор Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан № 1-259/2019 от 30 августа 2019 г. по делу № 1-259/2019.

35. Приговор Центрального районного суда города Воронежа № 1-233/2017 1-8/2018 от 16 октября 2018 г. по делу № 1-233/2017.
36. Приговор Петропавловско-Камчатского суда Камчатского края по делу № 1-492 2020 от 02 июля 2020 .
37. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 8 апреля 2022 г. по делу № А32-25902201.
38. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17 октября 2022 г. по делу № А32-259022018.
39. Решение Варненского районного суда (Челябинская область) от 05 октября 2020 по делу № 2-678/2020.
40. Решение Верховного Суда Республики Хакасия № 7П-52/2019 от 13 июня 2019 г.
41. Решение Калининского суда г. Челябинска от 14 января 2019 г. по делу № 2-292.2019.
42. Решение Королевского городского суда Московской области № 2-34912019 2-34912019~М-31142019 М-31142019 от 23 декабря 2019 г. по делу № 2-34912019.
43. Решение Ленинского районного суда города Ростова-на-Дону по делу № 2-2469/2019 от 08 августа 2019 г.
44. Решение Октябрьского районного суда города Белгорода по административному делу № 2а-833/2019 от 29 января 2019 г.
45. Решение Петушинского районного суда Владимирской области от 22 декабря 2020 по делу № 2а-1802_2020.
46. Решение Промышленного районного суда г. Владикавказа Республики Северная Осетия-Алания № 2А-161/2020 от 23 января 2020 г.
47. Решение Советского районного суда г. Томска от 22 января 2021 по делу № 2а-196.2021.
48. Решение Советского районного суда города Астрахани по делу № 2а-1088/2019 от 14 марта 2018 г.
49. Решение Фрунзенского районного суда г. Владимира от 15 мая 2019 по делу № 2-514.2019.
50. Решение Центрального районного суда от 27 мая 2020 г. по делу № 2А-23852020.
51. Решение Центрального районного суда г. Хабаровска по делу № 2А-4864/2019 от 10 июля 2019 г.